

Содержание

Предисловие	11
Вступление	13
Глава 1. Теории радикального общественного изменения, демократические революции	28
Введение	28
Формы радикального изменения общественного строя	30
Классические революции	32
Общества открытые и закрытые.	43
Главные типы современных режимов по Линцу и Степану	45
Теории демократии	49
Либерализация и демократизация	59
Демократические революции в условиях глобализации мира	63
Теории перехода к демократии	69
Глава 2. Общественная структура, относительная депривация и участие в публичной жизни	83
Введение	83
Социальная структура: основные понятия	86
Виды социального неравенства: поляризация и изменение межклассовых дистанций	91
Принципы социальной справедливости и легитимация неравенства	94
Относительная депривация	102
Три категории неравенства и публичная жизнь	104
Внеструктурные общественные размежевания	109
Общественные размежевания — и варианты поведения в публичной жизни	112
Неравенство и качество демократии	118
Социальная политика	119

Глава 3. СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ и ЧУВСТВО ДЕЙСТВЕННОСТИ	124
Введение	124
Вебер и хитросплетения развития <i>theory of agency</i>	129
Действенная субъектность — понятия и определения	133
Индивидуальный и коллективный актор	139
Структура и действенная субъектность.	142
<i>Микроуровень</i> и <i>макроуровень</i>	148
Культура и социальная субъектность.	150
Риск и ответственность — и субъектность	153
Субъектность в плюралистическом обществе	156
 Глава 4. ГРАЖДАНСКИЙ СТАТУС	 158
Введение	158
Определения основных понятий	159
Историческое развитие концепции гражданственности	165
Либеральная и коммунитарная концепции гражданственности.	170
Гражданственность, национальное государство и общественно-политический порядок	174
Воспроизведение гражданства после коммунизма	177
Радикальные концепции гражданства	180
 Глава 5. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	 184
Введение	184
Понимание гражданского общества	187
Специфика гражданского общества в Центральной и Восточной Европе	196
Спор о гражданском обществе: либеральная и республиканская точки зрения	208
Гражданское общество и национальное сообщество.	214
Гражданское общество и политическое общество	217
Между общностью и объединением (обществом)	219
 Глава 6. ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО в УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА	 223
Введение	223
От вестфальской модели к космополитической демократии	227

Либерально-интернационалистический подход	228
Республиканский подход	231
Космополитический подход	234
Почему утопия? Теоретическое отступление	238
Критика концепций по демократизации глобализации	242
К глобальному гражданскому обществу?	251
Глава 7. Политическая культура и качество демократии	256
Введение	256
Понятия и определения	259
Запас политической культуры у поляков	265
Политическая культура как фактор, тормозящий агрессию и насилие в публичной жизни	271
Социальный капитал и политическая культура	279
Политическая алиенация	282
Глава 8. Ценности, интересы и идеологии.	285
Введение	285
Аксиологическая сфера публичной жизни (ценности)	288
Прагматическая сфера публичной жизни (интересы)	293
Конфликтные шкалы оценки – и варианты поведения и установки индивида	299
Публичная жизнь как пространство согласования притязаний	301
Идеология как легитимация требований	303
Разновидности идеологий и их притязания	306
<i>Консерватизм</i>	306
<i>Либерализм</i>	308
<i>Социализм</i>	310
<i>Коммунизм</i>	312
<i>Национализм</i>	314
<i>Фашизм</i>	316
<i>Популизм</i>	318
<i>Фундаментализм</i>	321
<i>Феминизм</i>	328
Интересы и ценности в условиях системного изменения	329
Идеологии после коммунизма	336

Глава 9. КОЛЛЕКТИВНЫЕ АКТОРЫ ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ	338
Введение	338
Коллективные действия	343
<i>Толпа</i>	356
<i>Общественное движение</i>	363
<i>Группы интересов</i>	368
<i>Гражданские неправительственные организации</i>	370
<i>Политические партии</i>	373
Глава 10. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ	390
Введение	390
Классические теории социального конфликта	391
Современные теории социального конфликта	397
Определение социального конфликта	402
Типы социальных конфликтов	404
Социальные конфликты в демократическом и недемократическом обществе	413
Способы разрешения конфликтов	418
Социальные конфликты в Польше после Второй мировой войны	422
<i>Познанский Июнь (1956)</i>	424
<i>Польский Октябрь</i>	425
<i>Март '68</i>	427
<i>Декабрь 1970-го и конфликты 70-х годов</i>	429
<i>Польский Август и его последствия</i>	431
<i>Конфликты в III Речи Посполитой</i>	435
Глава 11. МАРГИНАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ	437
Введение	437
Концепции и определения: маргинализация и исключение	439
Причины маргинализации и исключения	449
Маргинализация как побочный эффект системной трансформации	455
Последствия маргинализации и социального исключения	456
Глава 12. ПАТОЛОГИИ ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ	459
Введение — что является частным, а что публичным	459
Патология публичной жизни и социопатология — определения	461

Теоретические подходы к проблеме патологии публичной жизни	465
Коррупция.	468
Политический капитализм	473
Причины патологий публичной жизни	476
Эпилог	480
ПРИЛОЖЕНИЯ	488
<i>Акт Тарговицкой конфедерации (фрагменты)</i>	488
<i>Декларация прав человека и гражданина, принятая 26 августа 1789 г..</i>	490
<i>Варшавская конфедерация 28 января 1573 г.</i>	492
<i>Конституция 3 мая Правительственный закон (3 мая 1791 г.)</i>	497
БИБЛИОГРАФИЯ	508
МАЛЫЙ ПОДРУЧНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ.	528

Предисловие

Данная книга создавалась в Институте политических исследований Польской Академии наук (ПАН). Несомненно, она была в значительной степени инспирирована дискуссиями в отделе общественно-политических систем названного института. Книга наверняка получилась бы беднее, если бы отсутствовал еще один источник того интеллектуального воодушевления и стимулирования, которые проистекали от регулярных встреч на кафедре социологии в Collegium Civitas¹. Благодарю проф., д-ра наук Ядвигу Коралевич (Jadwiga Koralewicz) и проф., д-ра наук Анджея Антошевского (Andrzej Antoszewski) за их рецензию на первый замысел этой работы. Особую благодарность должен выразить проф., д-ру наук Александру Мантерису (Aleksander Manterys), чьи пронизательные замечания позволили мне улучшить текст. Хочу также выразить признательность рецензенту данной работы проф., д-ру наук Хиерониму Кубяку (Hieronim Kubiak) за возможность использования его дельных и весьма существенных соображений. Нет нужды добавлять, что любые недостатки и оплошности, которые заметит читатель, лежат исключительно на моей совести.

В конце должен также высказать слова благодарности проф., д-ру наук Петру Штомпке, который предложил мне написать данную работу, а также проф., д-ру наук Яцеку Рациборскому (Jacek Raciborski), чьи тактичные, хотя и неусыпные напоминания об

---

¹ *Collegium Civitas* («Гражданская коллегия») — непубличное академическое высшее учебное заведение, возникшее в Варшаве в 1997 году по инициативе ряда научных сотрудников Института политических исследований ПАН и действующее ныне под покровительством пяти институтов общественных наук ПАН, в том числе Института философии и социологии, а также Института истории. Автор настоящей книги, проф. Э. Внук-Липиньский, является ректором *Collegium Civitas*. В этом негосударственном вузе, имеющем право присуждать ученую степень доктора гуманитарных наук по социологии, обучается в настоящее время около 1700 студентов и слушателей последипломного обучения, а занятия ведут свыше 200 преподавателей — видных ученых и практиков. *Collegium Civitas* шесть раз занимала первое место в рейтинге высших школ Польши среди негосударственных вузов, не относящихся к сфере бизнеса. — *Здесь и далее все примечания и сноски, не помеченные как принадлежащие автору настоящей книги, подготовлены переводчиком.*

уходящем времени помогли мне завершить работу в разумные сроки. Наконец, хочу поблагодарить свою жену и дочь, которые в меру терпеливо выносили мои длительные *tête-à-tête* (свидания с глазу на глаз) с компьютером.

Вступление

Без малого пять столетий назад {видный польский гуманист и общественный деятель} Анджей Фрыч Моджевский (1503—1572) писал: «*Sit igitur finis hic rei publicae, ut civibus omnibus bene beateque, hoc est honeste recteque vivere liceat*» («Таковою должна быть цель государства, дабы все его граждане могли жить хорошо и счастливо, честно и благородно»)¹. В атмосфере Ренессанса, которая завладела тогда почти всей Европой — а Польша была одной из крупных монархий на континенте, — создание государства, дружелюбного к людям и защищающего гражданские добродетели, казалось достижимым. Сегодня, обогащенные историческими сведениями, а также знаниями, черпаемыми из общественных наук, мы воспринимаем требование Фрыча Моджевского как утопическое, чтобы не сказать наивное. Нигде в мире на протяжении прошедших с той поры веков не возникло такое идеальное государство, основополагающей и реализованной целью которого было бы благо и счастье его граждан, не материализовалась мифическая Аркадия, где все живут «честно и благородно». Опыт минувших столетий доказывает скорее нечто противоположное: возникло множество государственных структур, основанных на эксплуатации и порабощении своих граждан; таких государств, где система вознаграждала скорее подлость и низость, нежели благородство или честность. Аушвиц (Освенцим) и Колыма стали в XX веке мрачными иконами предельной — как представляется — развращенности государства, последствиями чего стали чудовищные преступления геноцида, совершенные против как собственных граждан, так и граждан других государств, которые были завоеваны насилием или обманом. Проявления исторического опыта скорее склоняли бы нас к пессимизму.

Но ведь исход XX века, особенно после падения мировой коммунистической системы, явился вместе с тем периодом подлинного взрыва демократии. Никогда в мировой истории количество демократических государств не было столь велико. И, хотя

---

¹ Это написано в книге Фрыча Моджевского «*Commentariorum de Republica emendanda*», libri V, 1554 (1551?); перевод первых трех книг на польский сделал Ц. Базилик (С. Bazylik), и он вышел в 1577 году под названием «*O poprawie Rzeczypospolitej*» («Об исправлении Речи Посполитой»).

тогдашний прогноз, который провозглашал, что мы являемся свидетелями окончательной победы либеральной демократии над другими формами правления, в наши дни выглядит — как минимум — преждевременным (если вообще верным), все-таки это правда, что в настоящий момент число граждан, живущих в странах с демократическим строем, больше, чем когда-нибудь ранее, а та глобальная тенденция, которую Сэмюэл Ф. Хантингтон (*Huntington*, 1991) назвал **третьей волной демократизации**, по-прежнему обнаруживает много энергии, и не видно симптомов, сигнализовавших бы о ее быстром угасании.

Публичная жизнь старых и новых демократий претерпевает эволюцию, отдаленные последствия которой сегодня трудно предвидеть. Даже в авторитарных системах, кажущихся реликтом эпохи **холодной войны**, происходят медленные преобразования публичной жизни, которые, быть может, принесут в будущем плоды в виде ее качественного изменения. Пространство публичной жизни тем самым представляет собой поле для наблюдения увлекательных и порой даже захватывающих явлений, в которых мы выступаем свидетелями или же сознательными либо невольными действующими лицами, иначе говоря деятелями («актерами»¹).

Основная цель данного учебника состоит в ознакомлении читателя с актуальными знаниями на указанную тему. Возникает, однако, необходимость объяснить, почему в его заголовке оказалось выражение «**социология публичной жизни**». Другими словами, можно ли вычленил из социологии такой раздел или субдисциплину, которую можно было бы назвать **социологией публичной жизни**, и если да, то чем эта отрасль социологии могла бы отличаться от, например, социологии политики? Различие это представляется относительно простым. Социология политики занимается политической проблематикой, а следовательно, тем фрагментом коллективной жизни, который более или менее тесно увязывается со сферой властвования. Стержнем указанной сферы является проблема власти, ее распределения, правомочности, функционирования и т.д. Таким образом, предметом интереса для социологии политики являются институты, акторы,

---

¹ Этот термин, представляющий собой кальку английского *actor*, уже достаточно широко используется в русскоязычной специальной литературе. Подробнее он обсуждается в разделе «Индивидуальный и коллективный актер» главы 3.

взаимоотношения, явления, установки, формы и варианты поведения, верования, нормативно-инструктивные материалы, указания и многие другие аспекты, которые в ясно и четко определенном смысле относятся к власти.

Тем временем публичную жизнь всякого общества не удается свести к политической сфере — точно так же, как не удастся свести статус гражданина к политической активности. Дело в том, что существует огромная территория публичной жизни, которая носит аполитичный характер (иногда «программно» аполитичный). Многие — а возможно, даже большинство — из институтов и проявлений активности гражданского общества, заполняющих пространство публичной жизни, носят именно такой, сугубо аполитичный характер. Тем самым публичная жизнь определенного общества по своему охвату оказывается шире, нежели его политическая жизнь. Видимо, как раз по этой причине часть теоретиков (о чем еще пойдет речь в настоящем учебнике) проводит различие между политическим обществом и гражданским обществом *sensu largo* (в широком смысле).

Аналогично у социологии публичной жизни более широкая сфера, нежели у социологии политики (хотя отчасти сферы этих двух разделов общей социологии перекрываются), потому что в поле интереса первой находятся любые проявления общественной жизни, возникающие между стихией домашних хозяйств и других неформальных социальных (общественных)¹ микроструктур, с одной стороны, и уровнем национального государства — с другой. Предметом исследований для социологии политики является само государство и его институты. Тем временем для социологии публичной жизни государство представляет собой один из самых

---

¹ В польском языке, как и в русском, присутствуют оба слова: «социальный» и «общественный» — с той разницей, что если в современной русскоязычной научной литературе они используются с примерно одинаковой частотой (ранее это было не так — преобладало слово «общественный»), то в польской соотношение между ними составляет ныне примерно 1:5, а в оригинале данной книги даже 1:100. Учитывая это обстоятельство (а также решительно высказанное мнение автора данной книги, проф. Э. Внук-Липиньского, который хорошо владеет русским языком) и стремясь в указанном вопросе, как и везде, с максимальной точностью воспроизводить авторскую волю, было принято решение в переводе иногда отдавать предпочтение слову «общественный» даже в тех случаях, когда российская традиция ныне чаще употребляет слово «социальный».

существенных факторов, устанавливающих граничные условия¹ функционирования публичной сферы определенного общества, и, следовательно, оно является существенной точкой отсчета для попыток объяснить и истолковать эту сферу публичной жизни, но не предметом исследования *per se* (само по себе). Государство представляет собой одну из ключевых независимых переменных — если воспользоваться языком эмпирической социологии, — с помощью которых объясняется функционирование публичной сферы.

Это, разумеется, не означает, что политика не должна входить в поле интересов социологии публичной жизни. Скорее напротив, ведь политика — как бы *ex definitione* (по определению) — «вершится» в публичном пространстве. Исключение этой проблематики из рассмотрения и концентрация единственно на аполитичных публичных акторах и действиях было бы процедурой искусственной, чтобы не сказать странной, особенно с учетом того, что те или иные действия, которые были интенционально (по своим намерениям)² аполитичными, вполне могут порождать политические последствия. Встает, следовательно, вопрос о том, где должна проходить демаркационная линия, отделяющая социологию публичной жизни от социологии политики.

Провести между ними точную границу наверняка не удастся, да в этом и нет необходимости. Невозможно, например, строгое разграничение политологии и социологии политики, что не воспринимается ни политологами, ни социологами политики как некий особый дискомфорт. Аналогичным образом обстоит дело и в данном случае.

Интуитивно можно принять, что обсуждаемая здесь потенциальная субдисциплина социологии могла бы концентрироваться на том фрагменте общественной реальности, где она носит публичный характер, хотя и необязательно институционализированный. Ключевой исследовательской проблемой был бы тогда

---

¹ Хотя автор использует здесь и далее (например, в главе 5) именно этот термин, характерный в большей степени для математических моделей, его следует понимать скорее как необходимые или же минимально необходимые условия.

² Учтявая, что данная книга задумана как учебник, редакция сочла целесообразным здесь и далее кратко разъяснить в скобках значение тех терминов и понятий, которые могут быть недостаточно известны кому-либо из менее подготовленных читателей, еще только осваивающих социологию, а также уделять повышенное внимание терминологии и ее вариантам.

вопрос социальной субъектности индивидов и групп, социальных взаимоотношений в публичной сфере, а также того весьма разнообразного спектра социальных ролей, которые можно исполнять только в публичной сфере. Поэтому очевидно, что особый интерес возбуждали бы такие роли, из которых складывается понятие **гражданства**, хотя нет разумных причин ограничивать интересы исследователей только подобными ролями. Если нам бы не хотелось, чтобы рассмотрение этих центральных проблем повисло в вакууме, то надлежало бы соотносить их с более широким социальным контекстом, а следовательно, с одной стороны, с государством и общественной системой вместе с логикой их функционирования, а с другой — со стихией неформальных социальных микроструктур, из которых вырастает значительная часть динамики публичной жизни. Впрочем, у этой проблематики довольно зыбкие границы, но другими они и не могут быть.

Настоящий учебник представляет собой попытку очертить поле исследований для социологии публичной жизни, а также упорядочить новейшие теоретические знания и эмпирические установления именно с этой точки зрения.

Конструкция данного учебника опирается на предположение, что наиболее существенным фактором, определяющим условия функционирования публичной сферы (иначе говоря, самой существенной «независимой переменной»), является национальное государство, понимаемое в соответствии с просвещенческой, а не романтической традицией. Современное национальное государство необязательно должно быть этнически гомогенной (однородной) общностью¹. В сегодняшнем мире вместе с миграциями,

---

¹ При переводе терминов *wspólnota* и *zbiorowość*, которые являются одними из центральных в этой книге (в общеязыковых польско-русских словарях первое из них переводится как «сообщество, содружество, общность, община», а второе — «коллектив, ассоциация»), переводчик, выбирая между двумя единственно возможными вариантами («сообщество» или «общность») и вполне осознавая заметно более высокую популярность и «современность звучания» слова «сообщество», все-таки отдал предпочтение второму и тем самым согласился с концепцией, изложенной в статье А. А. Грицанова «Общность и общество» из обширного труда «Социология: Энциклопедия» (сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко и др. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.), где, в частности, сказано: «...выбор в пользу „общности“, а не „сообщества“ сделан потому, что последнее этимологически связано со словом „общество“, оно производится от него путем прибавления приставки „со“; „сообщество“ как бы подразумевает первичность „общества“, которое

усиливающимися в глобальном масштабе, существует все больше государств, внутренне дифференцированных с этнической точки зрения, хотя это не означает, что они перестают быть организационной формой народа или нации. Это такая нация, в рамках которой этнические критерии не теряют существенности применительно к формированию индивидуальной идентичности ее членов, однако применительно ко всей общности, организованной в государство, они имеют второстепенное значение. Типичным примером такого государства служат Соединенные Штаты Америки. Дефиниция **«национальное государство» будет здесь применяться по отношению к народу, который определяется политически, а не этнически.**

Отдельные проблемы, укладывающиеся в тот диапазон, который охватывает социология публичной жизни, будут обсуждаться в рамках понимаемого именно так современного национального государства. Разумеется, это не означает, что мы станем игнорировать более широкий контекст функционирования современных национальных государств, а особенно глобализацию. Во внимание будут также приниматься контексты локальных сообществ, функционирующих ниже уровня национального государства. Как глобальный контекст, так и контекст местный, локальный во все более отчетливой степени совместно устанавливают условия функционирования публичной сферы, а следовательно, их никак нельзя обойти в наших рассуждениях. Однако по-прежнему наиболее важным фактором в этом смысле останется национальное государство, и именно оно явится главной точкой отсчета для принимаемых нами попыток объяснения публичной жизни.

Современные национальные государства в огромной степени дифференцированы, и нет возможности учесть все их модели, встречающиеся в мире. Посему возникает проблема отбора и применяемых для этого критериев. Наши рассуждения будут в первую очередь касаться публичного пространства в тех национальных государствах, у которых за плечами имеется исторически совсем недавний опыт коммунистической системы и которые представляют собой относительно «молодые» демократии.

на определенной стадии своей эволюции дорастает до более высокой формы — «сообщества», подобно тому как «дружба» дорастает до «содружества»». Что касается термина «сообщество», то он используется в данном переводе примерно там, где уместно английское «community».

Ибо этот фактор — так же как и травма перехода от коммунистической системы и распорядительно-распределительной экономики к демократической системе и свободному рынку¹ — в довольно существенной степени определяет отдельные специфические свойства функционирования публичной жизни в этих странах. Там, где это необходимо, будут проводиться сравнения с публичным пространством в демократических национальных государствах Запада, а также в таких еще продолжающих существовать государствах, где действует авторитарная или даже тоталитарная система.

Книга начинается главой, где подвергнутся обсуждению различные теории радикального общественного изменения. Естественно, наиболее радикальным общественным изменением является революция, результатом которой становится полное изменение общественного порядка, а вместе с ним фундаментально иная организация публичной жизни. Однако демократические революции, которые возбудили третью волну демократизации, значительно отличались от классических революций в смысле как своего протекания, так и роли масс в указанном перевороте. Посему специфика демократических революций, особенно тех, что сопровождали падение коммунистических режимов, будет показана на фоне классических теорий революции, которые в данном случае могли объяснить ход событий лишь в ограниченных пределах. Повергнутся систематизации и разнообразные теории системной трансформации, будет показана их полезность для описания и интерпретации как самого изменения, так и его последствий. Дело

---

¹ В русскоязычной литературе ныне вместо слова «переход» в этом контексте чаще используется калька с американского термина «транзит» (которая, кстати, в ходу и у польских политологов). Однако, как и в ряде других случаях, в том числе для пары общественный—социальный, после беседы с автором данной книги проф. Э. Внук-Липиньским предпочтение, причем еще более решительное, было отдано тому польскому термину «przejście», который применяет автор. (При этом надо отметить, что в польском языке он, помимо основного значения: «переход» [иногда «проход»], означает также «переживание, испытание», и этот оттенок смысла прекрасно подходит для характеристики всякой смены общественного строя, даже если эта смена проходит мирно. К сожалению, у русского термина «переход», как, впрочем, и у термина «транзит», этого привкуса нет.) Все вышесказанное относится также к термину «общественное изменение», который и в польском оригинале, и, соответственно, в настоящем переводе предпочитается термину «трансформация», используемому в несколько ином смысле, о чем пойдет речь далее.

в том, что исследования перехода от недемократической системы к демократии создали некую типичную **транзитологическую** парадигму¹, плодом которой явилась весьма обильная социологическая литература. Коль скоро речь идет о переходе к демократической системе, то в данной книге необходимо представить — по крайней мере, хотя бы на самом элементарном уровне — и избранные теории демократии. Данная проблема будет показана как в ее динамичном аспекте, так и в сравнительной перспективе. Это даст возможность обрисовать причины системного изменения и фазы перехода от недемократической системы к демократии. А также позволит обратить внимание на два параллельных и синхронных процесса, формирующих переход к демократической системе, а именно на либерализацию и демократизацию.

Вторая глава посвящена обсуждению структурных детерминант для разных вариантов поведения в публичной жизни. Прежде всего, будет предпринята попытка ответить на вопрос, действительно ли место в социальной структуре существенным образом обуславливает участие в публичной жизни. Чтобы ответить на данный вопрос, следует ввести понятия стратификации и общественного (социального) статуса, а также понятия легитимированного и нелегитимированного социального неравенства. Ведь лишь на их основании можно формулировать утверждения об относительной депривации и ее влиянии на установки и варианты поведения, проявляющиеся в публичной жизни. Очередным шагом является обсуждение принципов социальной справедливости, а также способа их функционирования в публичной жизни. Ибо я исхожу из предположения, что признание определенных принципов социальной справедливости (на почве которых вырастают разнообразные идеологии) выступает в качестве ключевого фактора легитимации тех или иных типов социального неравенства либо отказа им в правомочности. В свою очередь, те виды и проявления неравенства, которые не располагают общественной легитимацией, образуют первичный источник относительной депривации. Если же относительная депривация перешагнет за пределы уровня социальных микроструктур и обретет общий вектор, то она высвободит коллективные действия, нацеленные на устранение

---

¹ Как и во многих других случаях, предпочтение здесь отдано авторскому термину, а не более привычному в русскоязычной литературе термину «парадигма транзита».

или по меньшей мере на сокращение нелегитимированного социального неравенства.

Главной проблемой очередной главы является вопрос социальной субъектности и чувства действенности {т.е. способности к активной, волевой деятельности}. Как известно, одним из самых существенных мотивов, который подтолкнул поляков к коллективным выступлениям в 1980 году (когда родилась первая «Солидарность»), было желание восстановить социальную субъектность, а также чувство контроля над собственной жизнью. Лишь после восстановления субъектности можно реалистически думать о воздействии не только на превратности собственной биографии, но и на судьбы того сообщества, к которому принадлежишь, и шире — на судьбы всей страны. Вдобавок к этому чувство социальной субъектности является необходимым (хотя и не достаточным) условием появления гражданского общества. Ведь гражданство неразрывно связано с социальной субъектностью, а та, в свою очередь, с определенной сферой свободы в пространстве публичной жизни, предоставляющей возможность не только гражданской экспрессии (внешнего выражения), но и свободной институционализации общественных сил, создающих плюралистический конгломерат организаций, объединений и партий, которые заполняют своей активностью пространство между уровнем социальных микроструктур (семьей и малыми неформальными группами) и уровнем государства и народа. Чувство субъектности связывается с чувством действенности (*agency*), а оно, в свою очередь, связано с чувством ответственности за собственные поступки и их последствия. Нельзя быть ответственным за нечто такое, на что не имеешь реального влияния, — точно так же, как нельзя избежать ответственности за нечто такое, что является непосредственным следствием хорошо поддающейся идентификации собственной действенности.

Обсуждение этих взаимоотношений и взаимозависимостей необходимо для более глубокого понимания того контекста, в котором появляется феномен гражданства (что явится темой главы 4), а также гражданского общества (глава 5).

Вопрос гражданства обсуждается применительно к концепции Т. Х. Маршалла (Т. Н. Marshall)¹, но в нее введены новые под-

---

¹ Имеется в виду классическое исследование гражданства и прав граждан «Гражданство и социальный класс» (1950) этого британского социолога, которое остается отправной точкой для большинства современных

ходы, которые помещают проблему гражданства в контекст перехода от авторитарной системы к демократии. Обрисованы также различия между гражданином, потребителем и клиентом. Подвергнется обсуждению и концепция «плюралистического гражданина», а также проблема гражданства в глобализирующемся мире.

Следующая глава начинается указанием источников исторических гражданских обществ, восходящих к временам Древней Греции и Рима. Указанный материал образует, однако, лишь кратко изложенный контекст, который позволяет лучше понять историческую эволюцию данного понятия и всего того комплекса общественных явлений, которые оно образует. Приводится объяснение довольно широкого и обобщенного понимания гражданского общества, а также его специфики в Центральной и Восточной Европе. Особое внимание уделяется формированию гражданского общества именно в этом регионе мира, поскольку многие из теоретиков придерживаются мнения, что нынешний ренессанс гражданского общества в общественных науках и в публичном дискурсе нужно в большой мере считать обязанным как раз событиям в Центральной и Восточной Европе на склоне XX века.

Либеральная и республиканская перспективы (а также, в определенных пределах, и родственная последней коммунитарная перспектива) по-разному позиционируют индивида в социальном контексте. Спор по этому поводу, ведущийся уже много лет, касается не только единичного человека, но переносится также на понимание общества в целом и гражданского общества в особенности. На сегодняшний день это весьма серьезная теоретическая дискуссия, последствия которой носят практический характер, например в сфере идеологии и политики. Поэтому реконструкция позиций, занимаемых сторонами этого спора, становится существенным дополнением к знаниям о гражданском обществе. Часто бывает так, что публичные дебаты вытекают из различающихся исходных предпосылок, на которые молча, а иногда и бессознательно опираются разнообразные антагонисты, и в итоге подобные диспуты редко приводят хотя бы к лучшему пониманию позиции противоположной стороны, уже не говоря о консенсусе.

Гражданское общество не тождественно национальной общности, хотя почти все члены обоих типов совокупностей — это

дискуссий на данную тему (недавно оно вышло по-русски, см. раздел «Библиография» в конце книги).

одни и те же лица. Тем не менее участие в каждой из названных общностей характеризуется различными свойствами и чертами, которые подвергаются в данной главе краткому обсуждению. С похожими отличиями мы сталкиваемся при описании гражданского общества, которое контрастно сопоставляется с обществом политическим. И в данном случае будет полезным ознакомление с природой указанных различий.

В последние годы определенные структуры гражданского общества пересекают границы национальных государств и начинают функционировать в глобальных масштабах. Подобные явления склоняют некоторых исследователей к следующему выводу: мы наблюдаем современные зачатки чего-то такого, что в не столь уж отдаленном будущем может стать глобальным гражданским обществом. А в более радикальной версии — что мы уже сейчас имеем дело с таким явлением. Поэтому есть смысл указать на осложнения, которые должен был бы преодолеть процесс формирования глобального гражданского общества, чтобы стать реальным общественным явлением. Размышления на эту тему присутствуют в главе 6.

Следующая глава поднимает проблему качества демократии. Ведь нельзя не согласиться с мнением, что отдельные конкретные демократии, которые похожи между собой с процедурной точки зрения, все-таки отличаются, причем иногда весьма отчетливо, с точки зрения качества. В свою очередь, для качества демократии решающую роль играют, с одной стороны, четкость и эффективность демократических институтов, а с другой — гражданская культура. Стоит сразу же отметить, что гражданская культура не тождественна культуре политической. Разъяснению этих понятий, а также их отношения к качественному уровню демократии и будет посвящена основная часть данной главы. Одним из существенных мерил качества демократии является прозрачность применяемых процедур, обязательность одних и тех же правил участия в публичной жизни (в том числе и в политической жизни) по отношению ко всем индивидуальным и групповым акторам, а также принятие на себя ответственности за свои действия и решения перед теми, на кого указанные действия и решения оказывают влияние. В англосаксонской литературе эта последняя проблема определяется термином *accountability* (подотчетность). На польском языке его точный эквивалент отсутствует, и поэтому используются описательные приближения (которые напрямую переносятся в русский текст. — *Перев.*).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru